

В.Г. Котов

Урало-алтайская мифологическая основа башкирского эпоса «Урал-батыр»

Ключевые слова: урало-алтайская мифология, уральская мифология, башкирская мифология, башкирский эпос, индоиранская мифология, близнецный миф.

Key words: Ural-Altaic mythology, Ural mythology, Bashkir's mythology, Bashkir's epos, Indo-Iranian mythology, twin myth.

«Урал-батыр» считается крупнейшим эпическим произведением в башкирском фольклоре. Он состоит из 4,5 тысяч стихотворных строк. Известный собиратель башкирского фольклора М.А. Бурангулов в 1910 г. от двух башкирских сказителей записал два варианта эпоса, которые были им объединены в один текст. Первоначальные записи не сохранились, и мы имеем единственный полный вариант эпоса. Зафиксировано еще 6 вариантов эпоса «Урал-батыр»: один прозаический и один вариант в виде предания, все остальные – это краткие пересказы содержания эпоса, сохранившиеся в других эпических произведениях [1]. Текст эпоса на башкирском языке был впервые опубликован в 1972 г. и выдержал множество изданий в различных редакциях и переводах на русский и другие языки. Большинство ученых считает эпос древнейшим и исходным в системе героических эпосов башкирского народа. О мифологической основе эпоса «Урал-батыр» писали многие исследователи (Н.А. Киреев, А.И. Харисов, М.М. Сагитов, А.С. Мирбадалева, А.А. Петросян, Д.Ж. Валеев, А.М. Сулейманов, Г.Б. Хусаинов, Ф.А. Надршина, Р.Ф. Резяпов, З.Г. Аминев и др.).

Анализ эпоса «Урал-батыр», предпринятый нами, позволил выявить структуру сюжета, отражающую разновременные мифологические пласты эпического произведения [2]. В частности, был сделан вывод о том, что не все подвиги Урала соответствуют мифологической основе эпоса. Описание событий в стране хана Катилы, например, – это более поздняя вставка. Это же показывает и сравнение с другими вариантами эпоса «Урал-батыр». Также поздней вставкой является часть, повествующая о подвигах детей Урала по отверзанию и прокладыванию рек. Основным подвигом Урал-батыра считается сражение с дивами/змеями за обладание живой водой и осушение вод мирового потопа – создание суши – Уральских гор.

Таким образом, сюжетная канва мифа в эпосе с участием Урала делится на две части: детство и отрочество в родительском доме, с одной стороны, и мироустроительные подвиги героя в ходе путеше-

ствия за живой водой – с другой. Начавшийся еще в родительском доме разлад между братьями в ходе путешествия за живой водой получил законченную форму: младший брат, Урал, стал защитником и повелителем мира Света и Добра, а коварный старший брат, Шульган, выступил на стороне Зла и Тьмы в лице змей – драконов. В неравной схватке с ними Урал-батыр с помощью крылатого коня Акбузата и своих сыновей побеждает чудовищ, складывает из них горы и осушает воды всемирного потопа. Добравшись до родника с живой водой, Урал-батыр от старика-предка узнает сокровенную мудрость – историю предков и Закон вечного круговращения Жизни и Смерти, что полностью изменяет его самого и его помыслы. Он орошает живой водой созданную им землю для того, чтобы она жила вечно. Последним подвигом Урала стала его попытка окончательно победить силы Зла. Пытаясь выпить воды бездонного озера, где укрылись дивы и змеи во главе с Шульганом, он погибает, – чудовища поразили его изнутри. Перед смертью он оставляет ряд наказов, призванных установить порядок и мир среди людей, главный из них – необходимость юношам проходить обряд испытания.

Из этого понятно, что мифологической основой эпоса «Урал-батыр» является миф инициации (посвящения) культурного героя – батыра Урала и его старшего брата и противника Шульгана. Само содержание этого мифа относится к наиболее архаичным пластам мифологии – к так называемым близнецным мифам. Ученые считают, что они служили на самых ранних этапах истории человека разумного основой его мировосприятия [3, с. 296; 4, с. 148]. Архаичная мифологическая основа, по нашему мнению, не является единой по содержанию и состоит из различных мифов.

Самым древним является миф о двух водоплавающих птицах, олицетворяющих солнце и луну. Эта мифологема связана с прауральским космогоническим мифом о двух ныряющих за землей птицах. Они являются, очевидно, создателями земли и жизни. Этот миф отражает первый этап космогенеза. На него наложен не менее древний близнецный миф урало-алтайских народов о двух братьях-демиургах: младший брат создает небо, животных, людей, а старший брат все делает наоборот: создает ямы, болота, горы – портит поверхность земли. Кроме того, посредством волшебного посоха он протыкает землю и делает вход в

подземный мир, из которого выходят на поверхность подземные гады, лягушки и другие вредные существа. В конечном итоге старший брат становится повелителем подземного мира, в то время как младший превращается в небесного бога. В уральской традиции посохом владеет чаще небесный бог, и он же делает им отверстие в земле, а в алтайской – хтонический [5, с. 36–37]. В южно-уральском мифе совмещаются оба варианта: посохом сначала владеет Урал, но портит поверхность земли, делая в ней отверстие посохом и выпуская подземные воды и их обитателей – змей-дивов, Шульган, который хитростью завладел волшебным посохом. Это второй этап космогонии. Параллелизм образа небесного крылатого коня солнечной птице – лебедя и функциональное пересечение с чудесным оружием космогонического творения, громовой дубиной-посохом, свидетельствуют о наложении в глубокой древности двух мифологических традиций. Одна связана с почитанием водоплавающей птицы (утка, лебедь, гусь) как символа верхнего мира и образа солнца, а другая с почитанием коня с той же символикой. Первая со всей очевидностью относится к уральскому миру, а вторая тяготеет к более южным, степным народам, скорее всего, индоевропейского и/или тюркского корня.

С образом коня связана еще одна мифологема. Основным содержанием ее является осушение вод мирового моря/океана, причем двумя способами. Первый из них заключался в том, что крылатый конь Акбузат иссушает воды моря там, где он проскачет, что явно связано с его небесно-соляной символикой. Второй способ связан уже с победой героя над гигантским дивом-змеем, которого он кромсает на куски и из него складывает гору. Этот мотив повторяется в эпосе неоднократно в связи с победой над каждым заметным персонажем хтонического плана. Эта гора всегда разделяет море посередине, что указывает на то, что это символ центра мира, или мировой горы. Данный сюжет сцеплен с другим: отверстие речных вод, сокрытых в недрах (мировой) горы, образованной из туш аждахи, которая рассекается/раскалывается героем (Уралом или его сыновьями) с помощью волшебного оружия. Прямой аналогией этому мифологическому сюжету является миф Вала в ведийской мифологии.

Космогонический миф в Ригведе и древнеиндийской традиции можно представить в виде следующей картины. В водах первоначального океана плавает изначальный холм, являющийся одновременно и мировым змеем, когда все пребывало еще не в расчлененном хаотическом единстве. Откуда-то появляется герой Индра, который разрубает гору-змея и освобождает скрытые внутри него живительные силы – воду, дающую жизнь = напиток бессмертия – Сому и свет-солнце в образе бурой коровы или богини зари Ушас [6, с. 28–29]. Космический холм-гора обретает

опору, одновременно происходит разделение мира на две сферы, упорядочивается движение светил [7, с. 85–86, 98–102]. В результате победы Индры над драконом боги разделяются на старых и новых – асуров и дэвов. Асуры низводятся в нижний мир и превращаются в хтонических богов и существ, как, например, Варуна становится хозяином вод мирового океана. Этот сюжет повторяется в мифе о пахтании океана. Здесь также противостоят старые и молодые боги, которые в стремлении добыть напиток бессмертия создают космос из хаотической субстанции вод, из которых выходят божества, божественные предметы, небесные светила, и устанавливается их движение, из вод выходит чудесный конь, и в ходе окончательного сражения происходит разделение на небесных и подземных богов [8, с. 31, 32–33, 111–116].

Индоиранский космогонический миф является вариантом акватического мифа, повествующего о создании космоса из вод мирового океана. Данное прямое сходство мифологической картины в последней части (битва с дивами и осушение потопа, деяния детей – отверстие рек) эпоса «Урал-батыр» и в индийской мифологии можно объяснить только общими истоками. Причем южноуральский вариант мифа, несомненно, архаичнее, так как он сохраняет двойственное отношение к образу змея-дракона, что связано с тотемной характеристикой этого хтонического персонажа на ранней стадии развития демонологии, известной по материалам эпохи ранней бронзы (III–II тыс. до н.э.) в Средней Азии [9].

Причем тот факт, что в данном сюжете отверстие рек участниками выступают в большинстве вариантов дети Урал-батыра, может косвенно свидетельствовать о явно вторичной редакции героического мифа уже в рамках эпической циклизации под влиянием индо-иранской традиции. Об этом же свидетельствует содержание отрывка, посвященного описанию уничтожению царства падишаха Катилы, где центральное место занимает ритуальное сражение с фантастическим быком злого повелителя. Этот мотив широко представлен в мифологической традиции индоевропейцев «героического века», соответствующего по времени сложению собраний гимнов Ригvedы, греческих мифов о подвигах героев (Ясона, Геракла, Тесея), т.е. эпохе бронзового века. Это предположение подтверждает описанный здесь же погребальный обряд, фиксируемый в южноуральском регионе на памятниках абашевской общности [10, с. 15], а также наличие человеческих жертвоприношений, имевших место у индоевропейских племен в III–II тыс. до н.э. [11]. Принимая во внимание явно ритуальный характер поединка с быком и его сходство с ритуалами, известными в крито-микенской общности, а также у древних скотоводов эпохи раннего металла Евразии [12], можно определить время сложения основного мифологиче-

ского собрания, положенного в основу эпоса, эпохой бронзового века (III–II тыс. до н.э.). Причем в эпосе «Урал-батыр», по сравнению, например, с эпосом о Гильгамеше, образ Урал-батыра отражает другой, более архаический этап социальных (родовых) отношений, «когда личность, индивидуум обретают силу в коллективе, в заботах о его судьбе» [13, с. 34]. Для датировки кодификации эпоса многое может сказать и тот факт, что по сюжету эпоса «Урал-батыр», как и в индо-иранской и тюркской мифологиях, происходит соперничество между двумя героями (божествами), один из которых (Шульган) остается пешим и вооружен посохом-железом, а другой – это всадник с волшебным мечом из булата (Урал-батыр). Посох в качестве оружия или символа власти можно сравнить с дубиной, копьем или булавой, т.е. оружием и символом эпохи камня и раннего металла [14, с. 339]. Меч же появляется в бронзовом веке и в начале эпохи раннего железного века становится основным оружием. В целом они имели сходную символическую функцию (орудия космогонического творения), а их соперничество говорит о том, что речь идет о периоде их сосуществования, когда металлическое оружие делало непобедимым их обладателей. Последнее было дополнительным стимулом к сакрализации предметов вооружения. К этому же времени относится широкое распространение всадничества как качественно нового социального явления, возникшего в недрах кочевого скотоводства. Очевидно, южноуральские скотоводы-кочевники широко распространили среди индоевропейских, финно-угорских и тюркских народов представления о хтоническом божестве Шульгане [15, с. 10–16; 16, с. 270–279], что указывает на период активных контактов предков этих народов еще в эпоху существования традиционной мифологии. Из этого мы можем сделать вывод, что текст о героических деяниях Урал-батыра уже существовал и был центральной реальностью в духовных представлениях южноуральского населения в III–II тыс. до н.э. Еще более древней должна быть

мифологическая основа эпоса, или южноуральский героический миф.

Действительно, в основу эпоса были положены мифы о первопредке, культурном герое, демиурге, которые обычно относятся к наиболее архаичному мифологическому пласту [17, с. 186]. Это подтверждается и смысловым содержанием мифологического ядра, которое сопоставимо с обрядами инициации, причем очень архаическими, поскольку подвиги главного героя нередко были связаны с подземным миром [4, с. 143]. Эти представления были свойственны прежде всего охотникам каменного века [18, с. 352–353]. При этом глубокая архаика мифологической основы эпоса проявляется и в способе передачи текста: двоичная структура мировосприятия [19, с. 45–46] и линейная структура пространства [20], а также зооморфность мифических образов. Если принять во внимание то, что основные сюжеты этих мифов и действующие в них образы находят параллели в мифах урало-алтайских (восточная ветвь ностратической сверхсемьи) и народов Приморья и Китая (сюжеты проглатывания рыбой/змеем, добывание напитка бессмертия, протыкание посохом земли – создание входа в подземный мир, озеро/родник с живой водой, похищение/освобождение героем солнца, культ водоплавающей птицы, солнечного оленя, змей, сбивание лишнего солнца), то мы должны признать, что сложение этих мифов, скорее всего, относится ко времени существования единой палеоевразийской общности этих народов, т.е. к эпохе палеолита [21, с. 32–33]. Очевидно, эти мифы были объединены в один миф достаточно рано. Об этом говорит сходство структуры, отдельных персонажей и их функций мифологической основы эпосов «Урал-батыр» и «Акбузат» со структурой и семантикой изобразительных композиций в палеолитических пещерных святилищах Шульган-таш (Каповой) и Игнатьевской (Ямазы-таш) [22]. Древний героический миф в эпоху бронзы (III–II тыс. до н.э.) подвергся определенной литературной обработке, в него была добавлена часть, повествующая о подвигах героя-первопредка Урала в стране хана Катилы и деяния детей Урала, в результате чего он превратился в героический эпос.

Библиографический список

1. Котов, В.Г. Башкирский эпос «Урал-батыр». Историко-мифологические основы / В.Г. Котов. – Уфа, 2006.
2. Котов, В.Г. Мифология Южного Урала. К вопросу о реконструкции хтонических культов / В.Г. Котов. – Уфа, 1997.
3. Золотарев, А.М. Родовой строй и первобытная мифология / А.М. Золотарев. – М., 1964.
4. Кабо, В.Р. Первоначальные формы религии / В.Р. Кабо // Религии мира. – 1986. – М., 1987.
5. Сагалаев, А.М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип / А.М. Сагалаев. – Новосибирск, 1991.
6. Котов, В.Г. Южно-уральский пласт индоарийской мифологии / В.Г. Котов // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы. – Уфа, 2000.
7. Кёйлер, Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии / Ф.Б.Я. Кёйлер. – М., 1986.
8. Темкин, Э. Мифы древней Индии / Э. Темкин, В. Эрман. – М., 2000.
9. Сарияниди, Б.И. Змеи и драконы в глиптике Бактрии и Маргианы / Б.И. Сарияниди // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. – М., 1986.
10. Горбунов, В.С. История племен абашевской культуры в бассейне р. Белой : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В.С. Горбунов. – М., 1977.
11. Шилов, Ю.А. Человеческие жертвоприношения и антропоморфные символы в причерноморских

курганах 3–2 тыс. до н.э. / Ю.А. Шилов // Религиозные представления в первобытном обществе. М., 1987.

12. Грязнов, М.П. Бык в обрядах и культах древних скотоводов / М.П. Грязнов // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М., 1978.

13. Петросян, А.А. История народа и его эпос / А.А. Петросян. – М., 1982.

14. Дергачев, В.А. Культурная функция скипетров и модель их возможной археологизации (по данным гомеровского эпоса) / В.А. Дергачев // Археолог: детектив и мыслитель : сб. статей, посвящ. 77-летию Льва Самойловича Клейна. – СПб., 2004.

15. Ахметьянов, Р.Г. Мифологические образы Евразии в фольклоре народов Поволжья / Р.Г. Ахметьянов // Фольклор народов РСФСР. – Уфа, 1978.

16. Толстой, Н.И. Проблемы реконструкции древнеславянской духовной культуры / Н.И. Толстой // Язык и

народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995.

17. Мелетинский, Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос / Е.М. Мелетинский. – М., 1979.

18. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Л., 1986.

19. Алексеев, В.П. К происхождению бинарных оппозиций в связи с возникновением отдельных мотивов первобытного искусства / В.П. Алексеев // Первобытное искусство. – Новосибирск, 1976.

20. Топоров, В.Н. К происхождению некоторых поэтических символов (Палеолитическая эпоха) / В.Н. Топоров // Ранние формы искусства. – М., 1972.

21. Котов, В.Г. Два мира южно-уральского эпоса / В.Г. Котов // Россия и Восток. Проблемы взаимодействия. – Челябинск, 1995. – Ч. III.

22. Котов, В.Г. Святилище в пещере Шульган-Таш и мифология Южного Урала / В.Г. Котов // Проблемы первобытной культуры. – Уфа, 2001.